

Чудо о пяти кораблях. Часть 5

**Чудо четвертое.
ЛЕДОКОЛА**

ОГНЕННАЯ КРУГОСВЕТКА

1941-1942 гг. Борт ледокола "Микоян"

Узелок на, казалось бы, безнадежно оборванной нити завязался снова в Подмосковье. На сей раз в Черниговско-Гефсиманском скиту, расположенном в еловых лесах близ Сергиева Посада. Скитоначальник игумен Феофилакт, крепкий деятельный иеромонах, рассказывал за трапезой о пропавшей святыне — чудотворной Черниговско-Гефсиманской иконе Божией Матери.

После того как скит в 20-х годах был закрыт, икону перенесли в Москву в Симонов мужской монастырь. В 1930 году, как сообщил журнал "Огонек", "в ночь на 21 января, в 6-ю годовщину смерти В.И.Ленина, собор Симонова монастыря и стены вокруг него были взорваны". Куда делась чудотворная икона, никто не знает. Я призывал отца Феофилакта, выпускника Московского историко-архивного института, предпринять какие-либо розыски, но он умудренно заметил, повторив почти слово в слово суждение Пелагеи Сперанской из Каира:

— У чудотворных икон своя жизнь. Они появляются и исчезают по промыслу Божьему. Надо верить и ждать, молиться и ждать...

Я внял его совету. Надо ждать. Объявится и “Семистрельная”. Сама даст знать о себе...

Здесь же в скиту зашла речь и о княгине Черкасской, пожертвовавшей в прошлом веке большие деньги на церковное строительство скита. Она и захоронена была в пещерах нижнего храма. Я рассказал игумену, что хорошо знаком с ее внуком, Борисом Михайловичем Черкасским, военным инженером, живущим по этой же Северной железной дороге — в Мытищах, и который наверняка не знает, где упокоена его бабушка. Отец Феофилакт предложил пригласить его в скит. С тем я и отправился через два дня в Мытищи. Адрес Черкасского у меня был записан неверно, и я попал в другой дом. Едва я переступил порог, как сразу понял — здесь живет бывший моряк. Да это и нетрудно было определить: моряцкое житее сразу же выдает себя то штурвалом на стене, то кораллом в серванте, то корабликом на полке...

Счастливая ошибка свела меня с презамечательным человеком — бывшим кочегаром ледокола “Микоян” Николаем Ивановичем Кузовым.

... Этому кораблю выпало одно из самых невероятных плаваний во второй мировой войне. Ледоколу, построенному в Николаеве, надо было перейти на Дальний Восток. Такой поход и в мирные-то годы — нелегкое испытание. А уж в сорок первом и вовсе гиблое дело. В голове не укладывается, как могли послать по сути дела мирный пароход (все орудия и пулеметы с “Микояна” были сняты по правилам прохода через Босфор и Дарданеллы) — на верную гибель: через немецкие заслоны в Эгейском море. На 165 человек экипажа приходилось лишь девять офицерских пистолетов. И все. А дело предстояло иметь и с итальянскими торпедными катерами, и с немецкими пикирующими бомбардировщиками, не говоря уж про

подводные лодки, минные поля и прочие превратности войны на море.

Правда была договоренность с англичанами, что те отконвоируют советское судно от Стамбула до Кипра. Но англичане не выполнили своего обещания, и командиру "Микояна" капитану 2 ранга С.М.Сергееву ничего не оставалось, как прорываться сквозь архипелаги Эгейского моря на свой страх и риск. Это был самый настоящий лабиринт Минотавра, составленный из множества греческих островов и островков, захваченных, как и сама Эллада, германо-итальянскими войсками.

Крадучись в предрассветных ноябрьских сумерках, ледокол вошел в Эгейское море. Командир безоружного корабля сразу же ушел с "накатанной" международной трассы и пошел петлять меж гористых островков, рискуя напороться если не на мину, то на подводную скалу в незнакомом фарватере.

— Слава Богу, — рассказывал Николай Иванович, — прошли все зигзаги благополучно. Теперь предстоял самый опасный участок пути — надо было пройти мимо острова Родос, где находились немецкая военно-морская база и аэродром.

С нами шли и четыре англичанина — два сигнальщика, радист и офицер связи с командованием королевских ВМС старший лейтенант сэр Эдвард Хансон. Говорили, что он племянник английской королевы. У лейтенанта Хансона была небольшая русская иконка. Подарил ему кто или выменял на что? Он говорил, что это его личный амулет, пока иконка с ним, нам бояться нечего.

— А чей образ-то на иконе был?

— Как чей? Божией Матери. Да я таких и не видел — весь в кинжалах.

— “Семистрельная”!

— А кто ее знает? Я тогда этими делами не интересовался. Только перед самым прорывом глаз на нее положил: а вдруг поможет? И я, комсомолец до мозга костей, вспомнил и зашептал молитву, которой научила бабушка: “Богородица Дева, радуйся! Благодатная Мария, Господь с тобой...”

Мы пошли на прорыв...

Перед тем капитан 2 ранга Сергеев собрал экипаж и объяснил ситуацию, спросил наше мнение. Уже одно это говорило, что мы выбираем себе судьбу — жизнь или смерть? Баш на баш... Решили прорываться. “Тогда готовьте корабль к борьбе с пожарами и поступлению забортной воды, — предупредил командир. — Усилить наблюдение по всему горизонту”.

Не прошло часа, как с левой скалы подскочили к нам три немецких торпедных катера. Кричат в мегафон на ломаном русском: “Следовать за нами! Курс на Родос!”. Это направление до поры до времени нас устраивало, и Сергеев пошел им в кильватер. Через несколько часов мы резко отвернули в сторону, и командир приказал выжать из машин все, что только можно.

“Шнельботы” тут же открыли огонь из пулеметов по мостику и матросам на палубе. Тогда ребята врубили пожарные гидropульты на полную мощь и попытались струями сбить прицельный огонь. Катера отошли на полном ходу, круто развернулись и дали торпедный залп. Рулевой Миша Рузаков успел положить руль лево на борт, и

“Микоян” резко уменьшил силуэт — встал носом навстречу белым бурунам. Все торпеды прошли мимо – впритирку к бортам. Тогда с катеров ударили скорострельные пушки и пулеметы. Они били в упор. Загорелась надстройка, пламя побежало по ботдеку...

Ледокол развернулся и полным ходом пошел на катера. Этот немислимый маневр с замыслом тарана заставил немцев изменить позицию. Пока они снова изготавливались к бою, наша аварийная партия успела сбросить в воду пылающий на шлюпбалках спасательный баркас. Не прекращая пулеметного огня, немцы снова выпустили торпеды. И снова точно чья-то незримая рука отвела смертоносные снаряды в сторону. Потом с Родоса прилетел самолет-торпедоносец. Его встретили “залпом” из брандспойтов. От неожиданности летчик вильнул в сторону...

Это был беспримерный морской бой, точнее, расстрел безоружного тихоходного судна из самых современных видов морского оружия. Но все восемь торпед, выпущенных с катеров и самолета, прошли мимо.

Скажу честно, я молился... Пожар на судне разгорался, тушить его под пулями было некому. И тут произошло еще одно чудо: хлынул ливень немислимой силы. Огонь сразу пошел на убыль. Под завесой дождя, во мгле наступающей ночи мы оторвались от противника и кратчайшим путем двинулись на Фамагусту; Кипр англичане прикрывали надежно.

Вы не поверите – после такого боя у нас не было ни одного убитого! Только двое раненых — сигнальщик Полищук и рулевой Рузаков.

Я потом хотел выпросить у Хансона иконку. Да он не согласился выменять ее и на спирт.

А в Хайфе нам еще раз подфартило, да как! На выходе из порта — это было в полдень 20 декабря — подорвался на mine большой английский танкер “Феникс”. Горящая нефть разлилась по акватории, и мы оказались в огненной западне. Но хуже всех пришлось, разумеется, морякам танкера. Сбившись на юте, они подавали отчаянные сигналы. Сгорели бы ребята, если бы Сергеев не приказал спустить на воду уцелевший катер. Катер во главе со старшим краснофлотцем Петром Симоновым пошел прямо в огонь. Полуживых, обожженных союзников вытаскивали из пылавшей воды баграми. Спасли только девятерых, и то один скончался на обратном пути.

Тем временем огонь подбирался ко второму танкеру, стоявшему на якоре рядом с нами. Так же как и “Феникс”, он был загружен сырой нефтью под завязку. Экипаж в панике бросил судно и сбежал на берег. Сергеев приказал отогнать “Счастливую звезду” как можно дальше, и на борт танкера высадилась наша группа во главе с лейтенантом Барковским. Однако время было упущено, и “Счастливая звезда” запылала ярче “Феникса”. Порт превратился в огненное пекло. Солнце потонуло в клубах черного дыма.

Самое ужасное, что “Микоян” был почти лишен возможности двигаться. Из девяти котлов под парами находился один. Из трех машин две были разобраны на ремонт. На буксиры рассчитывать не приходилось. Они ушли в дальний угол порта, и команды сбежали на берег. Языки пылающей нефти подползали к нашему борту, мы сбивали их нашим испытанным оружием — струями гидромониторов. Механики, переключая пар единственного котла то на брашпиль, вытягивающий якорь-цепь, то на еще не прогретую кормовую машину, все

же позволили боцману поднять якоря, а командиру дать малый ход. Задымленный, закопченный, обгорелый "Микоян" медленно уходил от настигающего огня, рискуя, как и "Феникс", наскочить на мину. Нам опять повезло. Как только мы оказались в относительно безопасном месте, мы принялись спасать английских солдат-зенитчиков, которые располагались на молу и которых пылающее море отрезало от берега.

Грандиознейший пожар пылал в порту Хайфа около трех суток. Самое удивительное, что местные власти не сделали ни одной попытки бороться с огнем. К горящим танкерам не подошел ни один портовый буксир.

Позже, когда огненная стихия угасла сама по себе, старший морской начальник Хайфы прислал нам благодарственную грамоту, он выражал восхищение "отвагой и лихостью, проявленными экипажем в особо опасной ситуации". Тем не менее англичане не выполнили очень важное условие договора о нашей проводке. Нам не поставили орудия и пулеметы. Установили только одну малокалиберную салютную пушчонку образца 1907 года. Чтобы придать ледоколу грозный вид — в Индийском океане хозяйничали немецкие рейдеры, — боцманская команда по приказанию командира соорудила на палубе из бревен и брезента подобия орудийных башен.

Так и пошли на страх врагам через Суэцкий канал, Красное море, Индийский океан. В свои эскорты англичане нас не брали под тем предлогом, что "Микоян" тихоходен и слишком дымит. Шли, можно сказать, лишь под покровительством Божьей Матери. И дошли! В июне 1942 года бросили якорь во Владивостоке.